

Давид Робитов

18+

Монах-император

Книга из сборника Время Феофано

Давид Робитов

Монах-император

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Робитов Д.

Монах-император / Д. Робитов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-07698-3

Исторический роман. Действие происходит во второй половине десятого века, частью - в Византии, частью – в соседних землях. Смертельная схватка с пиратами на острове Крит. Наемники из Восточной Европы в войске империи. Война в Сирии. Кризис внутри государства. События разворачиваются на фоне судьбы Анастасии - некогда актрисы, а затем императрицы регентши.

ISBN 978-5-532-07698-3

© Робитов Д., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава первая: воцарение Романа	5
Глава вторая: осада Крита	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава первая: воцарение Романа

Радость не может длиться вечно. Для магистра Никифора Фоки наступили черные дни. По глупой и нелепой случайности, во время конных упражнений погиб его единственный сын. Тренировочное копьцо треснуло, и его обломок пронзил мозг юноши.

В столичном дворце Фоки вся челядь облачилась в траурные одежды. Близко принимая его горе, Византийский царь царей, базилевс Константин Багрянородный отпустил магистра со службы. До времени похорон Никифор сидел у себя в покоях с почерневшим лицом. Свою жену он похоронил вскоре после рождения сына. И теперь, после его гибели, уже ничего не удерживало его в этом мире. После похорон сына, мрачный Никифор тот час отправился в путь на святую гору Афон, чтобы среди монахов залечить свою душевную рану.

Но жизнь в Византии шла своим чередом. После прошлогодней победной компании в Европе, надо было поправить дела и в Азии. Симоката или иначе Самосата – город в сирийской провинции Коммагены, с таким трудом взятый в бою два года назад, снова перешел к арабскому эмиру Сирии из Алеппо. Угроза нависла и над Мелитеной, столице римской провинции Третья Армения.

Едва завершилась посевная, государственный синклит постановил собрать ополчение стратиотов в фемах Халдия, Колония и Себастья. В отсутствие магистра Никифора возглавлять коалицию войск базилевс Константин поручил своему спальничьему, патрикию и паракимомену внуку Василию Нофу. Командовать двумя крыльями конницы этого легиона он возложил на стратега Халдии Иоанна Куркуаса, более известного по прозвищу Цимисхий, и ишхана федератов Афанасия¹, сына брата царя Тао-Кларджетского царства, более известного как Картли.

¹ Афанасий, также известный как Аданарсе магистр, сын Баграта магистра, внук Аданарсе II – царь картвелов из Тао-Кларджети (Картли) и магистр Византии с 958 по 961 гг. Федерат Византии.

Василий повел свой легион на юг, по западному берегу Евфрата. Пройдя стороной Мелитену, легион перешел границу Сирии Евфратской. Мелкие крепости и городишки легионеры брали с ходу и шли дальше. По пути на колонну нападали разрозненные отряды «безбожного Хамвада²», но это не могло поколебать ее мерного движения на юг.

В середине лета легион подошел к Симокате. Перед ними простирался город, расположенный на берегу реки, издавна населенный сирийцами. Нерушимый, многолюдный и изобильный всякими богатствами.

Василий не хотел оставаться тут на длительную осаду. Не хотел, и разрушать город, планируя оставить его в качестве форпоста Византии в Сирии. Поэтому, расположившись лагерем недалеко от города, он послал послов к эмиру города с требованием снова признать базилевса Константина Багрянородного своим господином.

Но эмир города рассмеялся им в лицо.

– Передайте вашему кастрату, что если он сегодня же не уберется от стен Симокаты, то завтра я отрежу ему и уши и голову.

Эмир понимал, что взятый византийцами штурмом единожды, город падет при штурме и в этот раз. Но на этот раз эмир сделал ставку на курдских всадников, гордость государя Сирии. Их непобедимость в открытом поле. И у него было достаточно времени, чтобы собрать это конное войско из вассалов и наемников. Чванясь от врожденной наглости, он даже не стал ждать помощи от государя из Алеппо.

На следующий день, поздним утром ворота города широко распахнулись. На равнину перед городом выдвинулись всадники во главе с эмиром. Варвары хвастались, что и без боя добудут победу. Легионеры их ждали, выстроившись в глубокую фалангу. При виде этой фаланги, конница развернулась и пошла в атаку лавой. Но, видя непоколебимость пехотного строя, курдские всадники, подобно ртутным шарикам, все как один внезапно сменили направление и помчались вдоль фаланги, осыпая ее тучами стрел.

Сирийцы не знали и не видели до поры спрятанную в засаде конницу халдеев и армянских федератов. Внезапно показавшись из-за холмов, двумя железными клещами всадники замкнули круг. Внутри круга остались лишённые маневра, перемалываемые фалангой курдские конники. Не попавшие в клещи, обратились в бегство, и всяк старался, как мог, унести ноги. Группа конных во главе с эмиром попыталась укрыться за стенами города. Преследуя бегущих с поля боя сирийцев, в пыли и неразберихе, Цимисхий овладел воротами Симокаты. Участь города была решена.

И сняли ромей доспехи с мертвецов, а пленных заключили в оковы. Потом собрали еще много всякой добычи в городе. Колоны невольников потянулись к побережью. А еще караваны, груженные драгоценными металлами и камнями, разными диковинами с востока и юга.

И настал в Царском городе день триумфа. Паракимомен Василий въехал, как победитель, через Золотые Ворота. Торжественная процессия двигалась к ипподрому, чтобы возложить дары к ногам Владыке вселенной. Главная улица была забита людом из горожан и приезжих, оказавшихся в ту пору в столице. Воины оцепления едва сдерживали толпу. От приветственных криков и шума, ничего не было слышно в двух шагах. Победителей осыпали цветами. За патрикием следовали стратеги и отличившиеся в боях воины. Потом провезли на показ толпе награбленное богатство в огромных возах. Замыкали шествие пленные в цепях.

Апогеем триумфа стало грандиозное театрализованное представление на ипподроме, где были подготовлены сцены из сражения по взятию города. В заключение грандиозного зрелища,

² Хамвдан – Абуль Хасан Али ибн Хамдан (ок. 910-967) из арабской династии Хамданидов – эмир Алеппо, известный в истории, как Державный меч, по-арабски Сейф-ад-Даула. Его владения распространялись на Сирию, часть Армении, Верхнюю Месопотамию, Киликию (Хонигман. 1935, 93).

все вывезенные из Симокаты сокровища были сложены у ложа, где восседал базилевс и члены императорской семьи.

Взятие Симокаты снова открывало Византии дорогу в Сирию. Правитель Алеппо, эмиры Тарса и Триполи запросили мира.

Еще продолжались празднования в Константинополе. И вдруг.... Столицы достигла скорбная весть из крепости Артвин³ в Армянской Иверии, иначе Вирка. От болезни, подхваченной неизвестно где, скончался курапалат Смбат Багратуни, царь картлов. Собравшиеся в Артвине поместные предводители – эриставы, избрали царем Картли следующего по старшинству из картлийского рода Багратуни. Этим избранным оказался ишхан Афанасий, или как его звали дома Аданарсе, который воевал в сирийском походе вдали от родного дома. Печальную новость в Константинополь привез двоюродный брат и теска Аданарсе⁴, сын почившего Смбата курапалата. Царь царей Константин благожелательно отнесся к выбору архонтов Вирка, территория которого находилась под протекторатом Византии. И, следовательно, избранный царь являлся наместником империи на тех территориях.

Афанасий из Вирка, как и его отец, был верной опорой правящей династии базилевсов. После подписания федерального договора с новоизбранным царем, по распоряжению Константина Багрянородного незамедлительно был назначен и проведен ритуал возведения царя Афанасия в магистры Византии, одного из высших воинских титулов римской империи.

После торжеств и пиров, положенных после возведения в магистры, братья засобирались домой. Надо было почтить память Смбата. Была и другая веская причина.

Каталикос всех армян на Двинском соборе 554 года окончательно порвал с Византийской Церковью. Каталикосат не принял решения Халкидонского собора. «Иисус есть сам воплощенный Бог и поэтому не может быть Его Сыном!» – на этом армянские иерархи стояли твердо. Это послужило поводом для разрыва между Церквями.

Разное понимание канонов веры внесло раздор в среде армянских архонтов. Трещина отчуждения пролегла и в семьях клана Багратуни. Но, не смотря на разное понимание веры, в большом роду пока еще придерживались старинных обычаев и законов.

Избранные «ишханац ишханы» больших пограничных областей, первые среди равных, по обычаям былой Великой Армянской империи, ездили «утверждаться» в качестве бдешхов к тагавору, шахиншаху всех Армений. Бдешхи владели провинциями с преобладанием племен не армянского происхождения и являлись полновластными царями союзных или вассальных тагавору Великой Армении территорий. А бдешхи провинции Гугарк, в которую входил Вирк, к тому же, издревле были местоблюстителями тагавора, обладающие исключительным правом короновать владыку Великой Армении. Только завладев царством Картли в Гугарке, Багратуни смогли поставить своего танутера – главу клана шахиншахом Армении и юридически закрепить за своей династией этот титул.

Поэтому и в этот раз, после утверждения наместником в Константинополе, магистр Афанасий должен был отправиться в крепость Карс. Нахарар или иначе бдешх Вирка отдавал дань уважения танутеру, главе рода Багратуни, в его резиденции. Там шаханшах Ашот III Милостивый⁵ должен был официально закрепить за ним титул армянского бдешха.

Перед отъездом своего друга магистра Аданарсе, Цимисхий устроил пир-клиторий в своем особняке, куда пригласил множество служилой знати. Внезапно на пиру, среди веселившихся и изрядно подвыпивших гостей, появился магистр Никифор Фока. Гости притихли,

³ Артвин, Аргануджи (груз) – столица иверских Багратидов в области Кларджети, провинции Гугарк. Современный город и район в Северо-Восточной Турции, расположен на реке Чорох, недалеко от границы с Грузией.

⁴ Аданарсе, также известный как Аданарсе курапалат, сын Смбата курапалата, внук Аданарсе II – царь картвелов из Тао-Кларджети (Картли) и курапалат Византии с 961 по 983 гг. Федерат Византии.

⁵ Ашот III Вогормач (Милостивый) (ум. 977), – царь царей (шахиншах) Армении в 952—977 гг. Из династии Багратуни, сын Аббаса. В 961 году перенёс столицу Армении из Карса в Ани.

отдавая дань уважения скорбящему отцу. Цимисхий пошатываясь, вскочил с места и рванулся ему навстречу. Никифор поднял руку открытой ладонью к собравшимся гостям, в приветственном жесте.

– Не обращайтесь на меня внимания, друзья, – сказал Никифор. – Иди, иди. Без обид. Развлекай гостей, – добавил он, обнявшись по-мужски с Ваном, и подтолкнул его в сторону пирующих.

Никифор пригубил вино, произнес заздравный тост в честь нового магистра. И тотчас отошел в дальний угол. Вскоре хмель взял свое. На Никифора перестали обращать внимание. Тем временем, магистр Фока подозвал жестом магистра Аданарсе и вывел его во внутренний парк поместья. Тут по дорожкам мимо фонтанов прогуливались мужчины и женщины, покинувшие свои отдельные пиршественные залы для того чтобы освежиться. А еще, чтобы себя показать, и немного пококотничать. Тут, среди благоухающих зарослей можно было уединиться для частной беседы.

– Когда собираешься ехать, магистр? – Спросил у Аданарсе Никифор.

– Да вот завтра и поеду. В порту Константинополя всегда полно перевозчиков. Переправлюсь на Азиатский берег. Там осталась часть воинов из моей охраны. Соберем всех и дальше отправимся на конях. В верховьях реки Чорох разделимся. Младший брат Аданарсе поедет домой в Артвин. А я со свитой отправлюсь в Карс. Если повезет, доберемся дней через 20.

– А если не повезет?

Аданарсе пожал плечами:

– На все воля Божья.

Никифор хлопнул его по плечу.

– Магистр. Почему бы тебе не отправиться морем до Петры⁶. На галере и быстрее и безопасней. Доберешься за два дня. Оттуда до Артина рукой подать. И до Карса дорога короче.

– Можно было бы. Но где я найму галеру? Те, что стоят в порту идут либо до Синопа, либо до Трабзона, либо вообще в Херсонес Таврический.

– Друг мой Аданарсе, тебе не надо нанимать галеру. Потому, что мне ее уже выделил друнгарий флота Иосиф Вринга. А я приглашаю тебя и твоего брата быть моими гостями на царском «дромоне». Ну а своей охране пошли гонца. Пусть добираются домой верхами самостоятельно. Для поездки в Карс в Артвине соберешь себе новую свиту.

– Очень хорошо! – Обрадовался Аданарсе. – Это просто здорово. Но почему тебе выделили галеру? Ходили слухи, что ты принял постриг и залечиваешь душевную рану в Афоне. Что заставило тебя поменять планы?

– Я был там, – мрачно ответил Никифор, вспомнив о своей потере. – И даже принял обет послушания. Но некто, – Никифор мотнул головой куда-то за спину, – решил, что мне надо сменить обстановку. На границах мир, и Цимисхий давно зовет к себе в гости. Говорят в этом году чудесный урожай винограда. Я очень люблю молодое вино, – криво усмехнулся Никифор, но уже серьезней закончил: – Я давно обещал твоему дяде Смбату, что потолкую с абхазским царем Георгием Аносином насчет подходящей партии для его дочери Гурандухт. Долги надо отдавать. Это дело чести. Вот высажу тебя и Цимисхия в порту Петры, а сам пойду морем к Себастиополюсу⁷. Это город нейтральный. Там уживаются епископы разных канонных. Сначала навещу архиепископа Константинопольской юрисдикции. После него наведаюсь к каталикосу Кавказской Иберии. Он как ты знаешь, подотчетен патриарху Антиохии. Для урегулирования межцерковных вопросов я беру с собой праведного монаха Афанасия со Святой горы Афон. Наставника в моем послушании. В вопросах веры это удивительный знаток.

⁶ Петра – греческий полис, лат. Батус – «глубокий». Современный Батуми – город и порт, на побережье Чёрного моря, столица Аджарской Автономной Республики в Грузии.

⁷ Себастиополис – римская крепость, ранее греческая колония Диоскуриада. В XVI – начале XIX в. город управлялся абхазскими феодалами и назывался Сухум-Кале. В настоящее время Сухуми – столица Абхазии.

– Гиоргий болен, – заметил Аданарсе. – Он назначил соправителем своего сына Леона⁸, который построил себе крепость на востоке Абхазского царства. Ты поедешь к нему в Кутатиси⁹? – спросил Аданарсе.

– Мой визит неофициальный. Мы встретимся с Гиоргием в их старой резиденции на побережье – в Анакопийской крепости, – ответил Никифор. – Но, возможно, мне придется доехать и до Кутатиси.

– Могу я чем-нибудь помочь тебе? – Спросил Аданарсе.

– Ничего не надо. Я же не воевать туда еду. Он все-таки союзник и христианский царь, хоть и не Константинопольской епархии. Мне понятно, почему его прадед вышел из Римской федерации. Как впрочем, и тебе. Кому охота платить налоги «чужому дяде». Стать суверенным господином на своей территории и собирать пошлины в «свой карман» – это мечта каждого архонта.

– Чтобы стать суверенным, мне для начала надо вывести своего архиепископа из Иверского католикосата, – оскалился в улыбке Аданарсе.

– Не играй с огнем, Аданарсе, – осадил магистра Никифор. – Слишком много врагов вокруг. Лев Аносин уже не может, как его дед рассчитывать на помощь кагана Хазарии. В наше время великий каган – всего лишь слуга Атильского малеха, своего премьер министра. По совместительству – председателя Всемирной торговой организации. А малех предпочитает брать на службу мусульманских наемников из Гургана в Персии. Поэтому сейчас сила христиан в единстве. И Абхазские цари это понимают. Поэтому, без покровительства Византии им не обойтись. Потому и пойдут мне на уступки. Но не следует «зарываться».

– Это верно, – согласился Аданарсе.

– Это так же верно, как и то, что ты по обычаю, сначала должен был «утвердиться» царем у главы рода, тагавора Ашота. И только после этого «представиться» Багрянородному базилевсу. Не воспримет ли Ашот такое поприще обычаев оскорбительным для себя? – Стал развивать свою мысль Никифор.

– Я думал об этом, – ответил Аданарсе, вопросительно глядя на Никифора. – Может, обойдется как-нибудь?

– Константин Багрянородный не любит полагаться на волю случая. – Никифор кивнул в сторону его дворца. – Поэтому, друг мой, в Петре мы расстанемся. Зато Ной Цимисхий составит тебе дальнейшую компанию. Он поможет тебе «разобраться» с проблемами в Артвине и Карсе. А то, говорят, некоторые эриставы и у тебя сеют смуту. Будут склонять тебя разорвать договор с Византией и поддержать Ашота в восстановлении единой и независимой Армении, под знаменем халифата.

– Теперь мне стало понятно, по чьей воле ты покинул Афон, – догадался Аданарсе. – Если у меня и Цимисхия ничего не получится в Карсе, то ты сможешь быстро собрать ударный кулак из пограничных гарнизонов и привлечь к этому войско абхазов. А Куркуас уже знает? Он не говорил мне, что поедет со мной. Зачем тогда этот прощальный пир?

– Пир еще никогда не был помехой, – возразил Никифор. – А Ной пока и не знает, что ждет его завтра. Тебе то что. Пусть народ веселиться. Меньше будут знать – крепче будут спать! А Цимисхий, как тот конь – всегда по зову трубы готов мчаться навстречу приключениям.

– Да, прав Багрянородный владыка, – пошел на попятную Аданарсе. – Авторитет Вана Куркуаса, при визите к Ашоту, лишним не будет. Ведь он считает наших ишханов нарушителями родового долга. Сменившими веру ради высоких постов в Византии. Но я все-таки не

⁸ Леон III Аносин (955(7)—967) – 9-й царь Абхазского царства.

⁹ Кутатиси – «город из камней» (др.груз. куато «каменистый»). Современный Кутайси – город в западной Грузии, в исторической области Имеретия.

понимаю. Ради решения моих проблем базилевс Константин послал вас обоих? Прославленных стратигов. А если случится война?

– Константин Багрянородный думает о нас всех, – твердо сказал Никифор. – Для него не существует незначительных проблем. И потом. Какая война? В Самосату стратигом отправлен мой брат Лев. Он держится на виду у эмира Халеба, чтобы его шакалам не хотелось побаловать. Остальные эмиры Сирии – запуганы. А что стратигам делать в столице, когда кругом мир? – Спросил Никифор и сам себе ответил: – Только пить и гулять. Поэтому я поеду завтра в Анакопию, а Ной Куркуас, в качестве твоего гостя и друга, отправиться с тобой к Ашоту в Карс. И Цимисхий развеется и Ашоту, надеюсь, дурные мысли в голову не полезут. Да и тебе веселей будет.

– А где сам Ван? Что-то я давно его не видел, – спросил Аданарсе.

– Как обычно либо пьет, либо волочится за очередной юбкой. Да вон в том углу ржут как кони. Ставлю два милиарисия против одного, что это его рук дело, – сказал мрачно Никифор.

– Идет, – подхватил ставку Аданарсе, широко улыбаясь.

Наступила осень. По заведенному обычаю Багрянородный базилевс справлял брумалий в честь «кашпы». Был такой обычай в старину устраивать пиры в день, на который приходится буква его имени. И Константин поддерживал народную традицию. Он ежегодно устраивал пышное празднество и делал его весьма многолюдным. На пиру принимал весь синклит за роскошно убраным серебряной посудой столом, уставленным разнообразными яствами. Блеск празднества, умножая щедрейшими благодеяниями. Раздавая шелковые покрывала, серебряные монеты без числа, пурпурные одеяния, благовония индийских дерев, коих никто не видел и не слыхивал. А пение гусанов и танцы вардзак доставляли званым гостям больше радости, чем сладость пищи.

Вскоре после брумалия в честь Константина, Анастасия второй раз разрешилась от бремени. На сей раз родился долгожданный мальчик. Пурпурный цвет в Византии был символом царской власти. Новорожденного, по царскому обычаю завернули в пурпурные пеленки. Протопапа дворца крестил его и нарек Василием, в честь деда, основателя династии. Крестным отцом и восприемником от священной купели внука Константина Багрянородного по традиции стал магистр Никифор Фока.

Торжества во дворце длились целую неделю. Обрадованный рождением внука Константин завалил подарками Феофано. Все ее желания тут же исполнялись, к большой досаде родных сестер наследника Романа¹⁰, с кислыми минами на лицах, наблюдавшими за ее триумфом.

Сменяющие друг друга пиры снова подточили здоровье базилевса. Любитель вкусно и обильно поесть, насладиться вином, Константин приобрел внутреннюю болезнь, которая угнетала его. Болезнь источала его изнутри и лихорадила. Это держалась в тайне. За пределами дворца никто не замечал, что он болен. Врачи пытались его лечить, приготавливая различные зелья, но без особого успеха. Вынужденный отказывать себе в вине и пище, Константин вынужденно постился. Строгая диета на время побеждала болезнь. Лечебный голод располагал к уединению и молитвам.

Услышав от патриарха Полиевкта, что на горе Олимп¹¹ живут святые отцы творящие чудеса, «царь царей» решил посетить эти места. Он хотел взглянуть на святых отцов, сподобиться их драгоценных молитв, а заодно переменной места и благорастворением воздуха поправить свое здоровье. Видя ухудшающееся здоровье отца, наследник и сопровитель Роман вызвался сопровождать его в этом паломничестве.

¹⁰ Роман II Младший (938 – 15 марта 963) – византийский император с 9 ноября 959 по 15 марта 963 года, сын Константина VII Багрянородного.

¹¹ Олимп – наиболее высокий горный массив в Греции (2917 м). Национальный парк.

Сев на царскую галеру «дромон», переправились сначала на Азиатский берег. В Вифинскую землю, в город Приет¹², названный так по имени исконного вифинского божества. Оттуда проследовали в Nikeю, город издревле богатый и многолюдный. Навестили монахов в лежащем у подножия гор монастыре имени почитаемого там мученика Афиногена. Тамошний настоятель показал Константину писанную киноварью грамоту его отца. При этом он сказал следующее: «Благочестивый базилевс Лев тоже останавливался в монастыре по пути к предгорьям Олимпа, чтобы помолиться о ниспослании ему сына-наследника. Тогдашний настоятель монастыря Петр предрек ему рождение сына-наследника, и что его сын посетит Олимп под конец своей жизни». Константин узнал руку своего отца Льва и заметил, что истинно было прорицание монаха.

Из Nikeи Константин с Романом переправились в Грецию и направились в предгорья Олимпа. С трудом пройдя по опасным, каменистым, извилистым тропам, они добрались до кельев святых отцов. Увидев монахов, Константин стал обнимать их и попросил благословения. Святые отцы рассказали ему, что живет на вершине Олимпа еще один старец – чудотворящий подвижник. И что царю надо обязательно повидать его. Базилевс поспешил к старцу.

Просветленный божественным озарением старец, зная, что идет к нему «царь царей», вышел из своей кельи, пал ниц и сказал: «Благослови, Владыка». А на вопрос царя, кто он, откуда и как здесь оказался, сказал: «Узнав, что шествует ко мне твоя царственность, поспешил к тебе». Понял Константин, что старец – Божий посланец. Он поднял старца с земли и уединился с ним в келье. Подвижник не стал скрывать от Константина, что дни его сочтены.

– Если хочешь продлить свою жизнь, откажись от трона и оставайся здесь со святыми отцами, – предрек старец.

Константин поблагодарил подвижника за правду, но остаться отказался.

– Долг перед государством требует моего возвращения. В отпущенные мне дни я должен думать о своем наследнике. Дать последние наставления и позаботиться о его окружении.

На прощание, обняв старца, базилевс запасся на дорогу его молитвами и, зная о скором конце своей жизни, вернулся в кельи святых отцов. Там он откушал с ними монашеской пищи и поспешно спустился к морю.

Всю дорогу Роман старался поддержать отца: то подхватит его, то подставит плечо.

Далее отправились они в Прусу¹³, город на северо-западе Анатолии. Пруса славилась своими теплыми источниками воды. Здесь они задержались на время, по рекомендации врачей принимая лечебные ванны. Но тщетно. Константину не становилось лучше. Покинув Прусу паломники повернули назад.

Багрянородный вернулся в столицу весь в страданиях и мучениях от постигшего его недуга. Тайное стало явным. Константин торопился дать последние наставления. Уже находясь в постели, он поочередно вызывал к себе на беседу своих родных, друзей, военных начальников и чиновных бюрократов.

Находясь уже при смерти, Константин вызвал к себе для последних наставлений сына Романа. В это же время, за дверями его опочивальни члены синклита ожидали его последнего волеизъявления. Возле окна стоял патриарх, неотлучно находящийся возле севаста. Он ободряюще кивнул Роману. Тот подошел и склонился к голове Константина. Базилевс был бледен и тяжело дышал. Его лоб покрывала испарина.

– Я пришел, отец! – Произнес Роман негромко, и Константин открыл глаза.

– Сын мой! Вскоре я тебя покину, – прерывистым, но ясным голосом заговорил он.

– Но отец! Не говори так! Мы найдем лучших лекарей и магов. Мы вылечим тебя.

¹² Современный Карамюрсель (тур. Karamürsel) – город и район в провинции Коджаэли (Турция).

¹³ Сейчас Бурса (тур. Bursa) – крупный город на северо-западе Анатолии, четвертый по величине в Турции.

– Не перебивай! У меня есть внук, твой сын. Значит, династия уже не прервется. Я ухожу со спокойной душой. А теперь слушай и запоминай! – Константин собрался с силами. – Я оставляю тебе в наследство сильную державу. Все неудачи Василия, твоего прадеда отомщены. Перед тобой расчищена дорога к Тарсу, Антиохии, Кипру и Иевусу, городу Иерусалиму. Как использовать силу окружающих народов во благо империи, мною написан трактат. Внимательно изучи его и следуй моим рекомендациям. Теперь о самом болезненном. – Константин перевел дух. – Как отцу, мне больно решать судьбу моих дочерей. Но ради спокойствия державы это придется сделать. Это последний урок, который я должен буду преподать тебе.

Если ты хочешь управлять страной единолично, то должен будешь удалить их из столицы. Иначе очень скоро ты станешь зависим от них. Пусть их судьбой распорядится глава синклита, паракимомен. Но помни: они не должны быть выданы замуж за архонтов ближнего круга. Иначе мой внук может остаться без престола.

Константин перевел дух

– О военных говорить не буду. Вся «голубая кость» и так вьется возле тебя и Феофано. Грубая и шумная солдатня. Не знаю даже, кого они больше любят тебя или твою жену?

Роман задумался, припоминая совместные походы в театры, а затем шумные попойки в неформальной обстановке у Льва Фоки. Анастасия держалась в этой среде, как рыба в воде. Поддаваясь на уговоры, показывала мимические сценки, высмеивающие бюрократов, чем приводила собравшихся вояк в полный восторг.

– Ну, ну, полноте, – продолжал Константин. Роман вздрогнул и очнулся от воспоминаний.

– Каждый государь должен иметь преданного помощника – первого из бюрократов, по сути, главу правительства. Советчика и хорошего управляющего. Василий Ноф человек из Семьи. Он был хорошим паракимоменом для меня, когда Елена, твоя мать и его сестра была моей супругой. Но для тебя этот тандем слишком силен. Василий всегда будет держать сторону севасты. Они не позволят тебе удалить из столицы ее дочерей. И ты не сможешь принимать самостоятельных решений.

Поэтому я тебе вырастил другого паракимомена. Из семьи иудеев принявших крещение. Я говорю об Иосифе Вринге. Под моим наблюдением он прошел все ступени от мелкого чиновника до патрикия и командующего флотом. Иосиф показал себя в государственном служении человеком рассудительным и благочестивым. Обе партии, и «зеленые» и «голубые» поддержат его кандидатуру. Как евнух он не сможет претендовать на трон. Но будет заботиться о твоей безопасности, как человек, зависящий от тебя своим положением. И как человек со стороны будет непредвзят в своих советах. Что скажешь, сын?

– Я мало с ним общался, отец, – ответил Роман. Он мало задумывался о том, что будет.

– Поверь моему опыту, сын. Я поручил ему важнейшую функцию в правительстве. Возвысил его до друнгария флота. Ты же, после моей смерти, возвысь его до паракимомена. На первых порах, из благодарности, он будет служить тебе преданно и за совесть. Дальше все зависит от тебя. Либо ты им будешь управлять, либо он тобой. Принимать решения самому – это единственная свобода, которая есть у государя. Используй ее.

– Хорошо, я все сделаю, как ты велишь отец, – заверил Константина Роман.

– В приемной, собраны члены синклита, ожидающие оглашения моего последнего волеизъявления. Там находится и патрикий Вринга. Пошли палатина за ним.

Роман распорядился. Через некоторое время в палату Константина вошел Иосиф. По знаку базилевса он приблизился к ложу и стал на колени у его ног.

– Иосиф! – Начал Константин. – Я вырастил тебя и выделил среди остальных за преданное служение. Я знаю, твое слово твердо. В мои последние часы жизни я хочу, чтобы ты поклялся именем Бога служить и оберегать моего сына своей опытностью и рдением. И пусть патриарх засвидетельствует твою клятву.

– Клянусь Христом Богом служить Роману до последнего вздоха. – Ответил Иосиф. Константин устало прикрыл глаза. Через некоторое время он открыл их и выразительно посмотрел на патриарха Полиевкта.

Тот понял этот взгляд и отдал распоряжение китонитам – стражникам императорской опочивальни. По их команде слуги палатины распахнули двери. В опочивальню вошли члены синклита, курапалат, магистры и патрикии. Константин Багрянородный объявил им свое волеизъявление. Он передавал всю власть самодержца своему сыну Роману.

Исполнив положенное, Константин со спокойствием и умиротворением стал ожидать прихода смерти. Он не дожид до своего очередного брумалия. Севаста Елена и ее дети, видели, как испускает дух и отходит басилевс Константин. С жалобами и стенаниями окружили они его ложе, оросили его слезами и принялись оплакивать столь великого государя.

Паракимомен Василий и патриарх Полиевкт расположились рядом. Под песнопения хоров святых и праведных монахов, омытое тело, вскоре выставили в Девятнадцати ложах. Здесь вновь почтили покойника песнопениями. Тут простилась с государем его семья. После этого тело перенесли в Халку, где прощальным поцелуем поцеловали его и архиереи, и иереи, и магистры, и патрикии, и все синклитики. После завершения прощаний по обычаю церковный распорядитель возвестил: «Иди царь, зовет тебя царь царствующих, господь господствующих». И вся толпа закричала, завопила, застенала. А когда распорядитель произнес эти слова в третий раз, царя сразу же подняли, вынесли из дворца на дорогу. Весь синклит шел в процессии, придавая торжественность шествию погребальным пением, пока тело не доставили в храм Святых апостолов, традиционное место царских погребений.

А что сказать о стоящем вдоль дороги народе? Одни взирали на тело басилевса сверху из окон высоких домов и зданий, другие смотрели на него вблизи. Кто-то плакал про себя и сотрясался от затаенных стенаний, кто-то исходил в воплях, кто-то рыдал еще горестнее, опечаленный и гнетомый общим несчастьем, кто-то испускал слезы ручьями.

Когда процессия подошла к храму Святых апостолов, окруженное свитой царское тело поместили в церкви. Паракимомен Василий собственноручно обвязал, как это делают с покойниками, его тело. А когда готов был гроб Багрянородного, его захоронили вместе с царем Львом, его отцом. Даже после смерти и погребения его любезнейший сын остался предан отцу. В царствование Константина было совершено много великих деяний. И главное – он сохранил веру и государство.

Не дожидаясь конца положенного траура, сразу после похорон отца, Роман взялся за перестановки в своем окружении. Щедро награждая чинами и званиями, он удалил из дворца приближенных людей своего отца, в том числе и патрикия Василия Нофа. Вместо него управляющим синклитом назначил препозита и друнгария флота Иосифа Врингу. Сразу же после этого возвел его в достоинство паракимомена, своего спальничего, и вручил ему всю власть над бюрократами.

На другие высвободившиеся места он стал назначать молодых офицеров из числа своих знакомых. Протоспафария Иоанна по прозвищу Хирина назначил великим этериархом – начальником личной императорской гвардии, возведя в патрикии, чтобы хранил басилевса от лиц подозрительных. По просьбе паракимомена Иосифа, сакелария Сисиния из чиновничьей братии, мужа ученого и к государственным делам способного, он вскоре сделал патрикием и логофетом геникона – начальником податного ведомства.

Эпархом Константинополя назначил молодого стратига Феодора Дафнопата, возведя его в ранг патрикия. А вот его помощниками, по выбору Иосифа и Сисиния назначил опытных бюрократов: асикритом – Феофилакта Мацицика, а судьей – Иосифа. Благодаря добрым советам, военные и бюрократы в одной связке, должны были хорошо послужить государству, уравновешивая друг друга. Меньше всего неожиданностей было в назначениях в военном ведом-

стве. Заботу о войсках Роман доверил братьям Фока. Никифора царь оставил домашником Востока, несмотря на его пребывание в горах Афона. А его брата патрикия Льва, стратига Каппадокии, царь царей возвел в сан магистра и назначил домашником Запада.

Расставив на высших постах государства своих людей, Роман взялся за чистку в своей семье. Выполняя волю отца, по совету Вринги, сестер своих Зою, Феодору, Агафу, Феофану и Анну, вместе с тетушкой Софьей, вдовой царя Христофора, своего дяди, он постриг в монахи. Напрасно мать молила за них. Напрасно молодые девушки, тесно обнявшись, просили о пощаде и плакали. Ничто не помогло. Одной царице Елене было разрешено остаться во дворце. Ее дочери должны были покориться непреклонной воле государя, обрекшей их на иноческую жизнь.

Когда по приказанию патриарха Полиевкта их волосы упали под ножницами, и когда на них надели монашеское одеяние, то из утонченной жестокости их разлучили одну с другой. Тогда царевны возмутились, совлекли с себя власяницы и объявили, что каждый день они будут есть мясо.

В конце концов, Роман все же смягчил их жизнь. Младших сестер распорядился отправить во дворец Антиоха и приказал разрешить им тот же образ жизни, что и в Священном дворце. Только старшую сестру Агафу, вместе с Софьей сослал в монастырь. Но даже там, к неудовольствию патриарха Полиевкта, вместо власяниц и постной пищи, Роман распорядился выдавать им тоже содержание, что и во дворце. Тем не менее, они навеки умерли для мира. И теперь, презираемая ими, жена государя Феофано торжествовала.

Через какое-то время поползли слухи, распространяемые злопыхателями. Кто-то видел, как в то время как базилевс Константин болел и кончался, снова показалась звезда, как при его рождении. Но на этот раз с тусклым и неярким свечением. Кто-то видел, как сын подsunул отравленное питье отцу, во время их паломничества к Олимпу. Кто-то вообще заговорил о заговоре Романа и Феофано против Константина.

Роман не обращал внимания на слухи. Он без промедления разослал дружеские письма ко всем ромейским начальникам и стратигам, а также царю Болгарии и всем государям западных и восточных народов, заключив с ними дружеские союзы.

Таким образом, расставив своих людей на ключевых постах империи, обезопасив себя от близких родственников и подтвердив мир с соседями, Роман посчитал, что потрудился достаточно, настало время для отдыха. И предался развлечениям со всем пылом и неутомимостью двадцатилетнего юноши.

Он был молод годами, крепок телом, строен и широк в плечах. Все поражались и восхищались его неумной энергией. Порой целыми днями, скакал Роман по полям, наслаждаясь охотой за стенами столицы. По несколько дней даже ноги его не было в царском дворце. Проводя время в пирах с ровесниками и льстецами, он был спокоен и приветлив. Одних он украшал почетными санами, других награждал щедрыми дарами. Бывало, просто так раздавал деньги многочисленным стражам и охранникам, еще более возбуждая и разжигая любовь к себе.

А иногда, в один день он и на ипподроме сидел, и с синклитом обедал. В полдень играл в мяч с соперниками умелыми и опытными, которых нередко обыгрывал. Потом с торжественной свитой отправлялся в пригород ловить кабанов, а уже вечером после охоты возвращался назад во дворец к жене и детям.

Анастасия опять была в положении, поэтому лишь иногда совместно с мужем посещала театральные представления, да радовалась, наблюдая за победами мужа из императорской ложи ипподрома. И радовались ему граждане, поскольку он и удачлив был, и над народами властвовал. И много доставлялось тогда в Византию всякой пищи и продовольствия.

Однажды вечером, Роман застал Анастасию в слезах.

– Дорогая, почему ты плачешь? Кто обидел тебя? Если это из-за моей поездки на охоту, то клянусь. Больше не покину пределов города.

– Ну что ты Роман. Разве я хотела бы привязать тебя к своей юбке? – Улыбнулась Анастасия и тут же снова разрыдалась. Роман сжал ее в объятиях стараясь успокоить. Наконец, чуть успокоившись, Анастасия рассказала мужу о смерти своего любимого отца.

– Его уже погребли. Я не смогла проститься с ним, – всхлипывала Анастасия.

– Почему мне не доложили? – Скрипнул зубами Роман. – Кто принес эту весть?

– Моя мать Цира после похорон, немедленно отправилась в Константинополь, чтобы сообщить мне о его гибели.

– Почему я ее не видел? – Удивился Роман.

– Моя мать – своеобразная женщина. Она остановилась в пустующем доме Никифора Фоки, своего названного сына, прислав мне письмо со знакомым палатином. И во дворец, ее проводили с черного входа, как она пожелала. Побыв немного со мной и поиграв с внуками, она также тихо и незаметно покинула дворец.

Про себя Анастасия вспомнила слова матери: «Большая власть – большая опасность. Тот кто не пожалел своих сестер, тем более не пожалеет дальних родственников».

– Да она мудрая женщина, – словно прочитав ее мысли, сказал Роман. – Как погиб Алан Каратер?

– Глупая, нелепая случайность. Пираты напали на его галеру во время морской прогулки. Они отбились, и галера вернулась в порт. Но его раны оказались смертельными, – всхлинула Анастасия. – Отец и Кон Сивас хорошо укрепили порт. Мелкие шайки, им не страшны, но пираты уже нападают на корабли в море, на виду у города.

– О чем еще говорили? – Продолжал допытываться Роман.

– Да все больше о женских делах. Дома все хорошо. Вот только торговля хиреет по всему побережью. Там царит страх. Люди покидают дома и переселяются в горы. Нет никакой гарантии, что в один злосчастный час пираты не соберутся большой эскадрой и не сомнут оборону города.

– Да я помню, это старая проблема. Сколько не руби гидре голову, их только больше будет. Я обещаю, что разберусь с этой проблемой. Передай Цире мои соболезнования. Я распоряджусь, чтобы ей назначили достойную пенсию. Пусть спокойно возвращается домой. Твои родные не будут нуждаться ни в чем.

На следующий день Роман пригласил Иосифа Врингу, рассказал о горе, постигшем его тещу и супругу. Потом предложил тому высказаться о проблеме пиратства и возможности начала войны с ним.

– Только настоящая женщина может сделать из ничего: прическу, обед и мировую войну, – криво усмехнулся Вринга, выслушав Романа.

– Что это значит? – нахмурился Роман.

– Нет, нет, ничего, государь! Просто мысли вслух.

– Избавь меня от философии и говори по делу! – Сказал, как отрезал Роман.

– Мой государь! Будучи еще недавно флотоводцем, я как раз думал над этой проблемой. Уже полторы сотни лет прошло после того, как агаряне с большим флотом берберских боевых кораблей захватили остров Крит. А Крит контролировал свободный выход галер Византии в Средиземное море и безопасность греческих островов. С той поры морские разбойники каждодневно чинили зло и беды на нашей земле. Они захватывали добычу и пленников, создавая препятствия нашим торговым судам, – говорил Иосиф. – Зато работоторговцы Всемирной торговой организации жируют, деля с пиратами баснословную прибыль.

– Эти разбойники разрушают все, до чего дотягиваются, – подтвердил Роман. Правда, не уточнил, кого именно имел в виду. Пиратов или торговцев. – Что предлагаешь?

– Нашими стараниями, флоты Магриба и Тарса понесли значительный урон. По сути, Крит остался один на один с Византией. И момент благоприятный, государь. Суннитский халиф Кордовы с Иберийского полуострова не станет помогать исмаилитам Крита. Да и тюркский наместник Египта предан Багдадскому халифу, который терпеть не может сектантов халифа Магриба. Чей стратиг Явхар, носится по Африке, захватывая новые территории, тревожа набегами и Египет. Но тюркские и кавказские «волчата», мамлюки¹⁴ Багдадского халифа, успешно отражают набеги берберов на суше. Кроме этого из дельты Египта традиционно идут поставки зерна в Византию. Египетский наместник, предводитель мамлюков будет только рад, если мы пресечем разбой пиратов на море.

Но и легкой эта война не будет. Так или иначе, нарушится сложившееся равновесие в Средиземноморье. Нарушатся торговые пути. В войну будут втянуты все мировые державы. Нельзя сбрасывать со счетов огромное давление, которое мы почувствуем со стороны царства Атиля¹⁵ и его Всемирной торговой организации.

– Слишком долго мы жили спокойно. Пора встряхнуть этот мир и показать малеху Иосифу¹⁶ из Атиля и всей фатимидской коdle Северной Африки, кто хозяин в Средиземноморье, – «рубанул» рукой Роман. – Значит решено. Повелеваю! Займись подготовкой войска, посылай гонцов во все провинции, будем собирать большой флот для вторжения. Отпиши царям федератов, пусть присылают казар, а крестница моего отца царица русов Елена¹⁷ – норманнов в ладьях.

– Все будет исполнено, государь, – склонился в низком поклоне Вринга. – Но надо будет заручиться поддержкой синклита. Такое предприятие требует больших затрат, а сенаторы как всегда скупы. К тому же есть подозрение, что некоторые из них, в тайне имеют свои интересы на Крите. Есть и другой вопрос требующий решения. Кого назначить командующим? Ведь его будут пытаться подкупить, а может даже и убить.

– Двух мнений быть не может, – не задумываясь, ответил Роман. – Разумеется, назначить командующим магистра Никифора Фоку. Я давно обещал ему эту битву. Да и после смерти сына он слишком увлекся мистикой на Афоне. Его, как отличного военного, надо занять настоящим делом, войной.

– Выбор хороший, но говорят, он стал послушником и готовится принять монашество, – ровным голосом возразил Вринга.

– Своим повелением я отзову его. Пусть проходит послушание не при монастыре, а в сражениях.

– Еще болтают, что побывал он в Никопсии, что на побережье в Абхазии. Там разговаривал с каким-то старцем в горах, – продолжал Вринга вкрадчивым тоном.

– Это ты о сплетнях? О предсказании? Да знаю я. «Захвативший Крит, познает великое горе, но овладеет скипетром Ромейской державы», – процитировал Роман. – Это всего лишь бредни выжившего из ума отшельника. Но даже если это и так. Разве это не дополнительный повод послать на Крит именно Никифора? Не может же будущий монах сидеть на троне! Это исключено.

Не откладывая в «долгий ящик» Вринга собрал синклит на внеочередное заседание. После заявления базилевса Романа, сенаторы долго спорили. Некоторые из выступавших напомнили собравшимся сенаторам о подобных экспедициях при прежних базилевсах Льве

¹⁴ Мамлюки (тюрк. «мамулук» – «волчата») – военная квази каста в средневековом исламском Египте, рекрутировавшаяся из юношей тюркского и черкесского происхождения.

¹⁵ Атиль – последняя столица хазар в устье Волги, недалеко от современного города Астрахань.

¹⁶ Иосиф – малех иудеев Атиля, царь Хазарского каганата, правил около 920(934?)-960 гг

¹⁷ Княгиня Ольга, в крещении – Елѣна (около 893/920 – 969) – правившая Киевской Русью с 945 до 960 года в качестве регента при малолетнем сыне Святославе.

и Константине. Тогда были потрачены впустую огромные средства. Достижений не было, а загублено было много людей.

Другие боялись опасности на море, а также помощи Криту со стороны соседних держав и их флотов. Третьи предрекали ухудшение отношений с Всемирной торговой организацией Атиля. Потом нашелся один сенатор, якобы слышавший о предсказании. Будто тот человек, который захватит Крит, овладеет скипетром Ромейской державы. Страсти кипели. Мнения разделились.

Наконец слово взял патриарх. Оглядев зал прямым взглядом, от которого многие почувствовали себя неуютно, Палиевкт сказал:

– Сердце басилевса в руке Господа, и Бог внушил ему эту мысль! А наш долг повиноваться его боговдохновенному приказу. Все мы знаем, дети мои, какие беды причинили нам, враги Святого Креста. Вспомним убийства, насилия над девами, разрушение церквей, опустошение прибрежных городов. Вы говорили о предсказании. Так вспомните и предсказание Иоанна Богослова. Накануне второго сошествия Христа появятся Антихрист – Зверь из моря и Лжепророк – Зверь из земли. Пираты и их самозванный халиф из Кайруана – вот предсказанные Антихрист и Лжепророк. Осталось дожидаться только пришествия Сатаны. Я спрашиваю вас ромеи! Будете вы покорно ждать прихода проклятого, который сожрет ваши души или будете драться ради Христа!? – Сенаторы опустили глаза, никто не хотел встретиться с пылающим взглядом Полиевкта.

Настрой военной партии синклита озвучил убеленный сединами Варда Фока, отец Никифора:

– Я поддерживаю государя Романа. Надо сразиться за христиан и единоплеменников. Не побоимся ни долгого пути, ни морской пучины, ни изменчивости победы, ни немощной молвы, ни дурных предсказаний.

Подвел итог паракимомен Иосиф Вринга:

– Сенаторы! Торговля на греческих берегах несет огромные убытки из-за произвола пиратов. Казна скудеет! Настало время показать всему миру кто хозяин в Средиземноморье. И залог нашей победы – командующий этого похода. По внушению Бога, басилевс назначил верного и честного слугу своего – магистра Никифора Фоку, принявшему послушание. А чтобы пресечь нехорошие слухи, басилевс объявляет соправителем на престоле своего сына Василия.

Более никто оспаривать решение Романа не посмел. Синклит проголосовал: «За войну».

Заручившись поддержкой синклита, по поручению басилевса, Иосиф Вринга начал подготовку к компании. Незамедлительно был отправлен гонец на гору Афон, где в одной из пещер уединился Никифор. Там ему было вручено повеление базилевса вернуться в Царский город.

Константинополь встретил магистра Никифора ликованием. Всякий хотел пожелать ему удачи и победы в предстоящей войне.

С большим радушием встретили его и во дворце царя царей.

– Помнишь, магистр наш разговор в тот год, когда я встретил Анастасию? – Спросил Роман у Никифора. – Тогда ты говорил, что мог бы расправиться с пиратами. Теперь в моей власти предоставить тебе этот шанс. Готов ли ты возглавить эту военную компанию?

– После смерти сына я жил в малодоступных и уединенных местах Афона. Там, где живут монахи подвижники, – отвечал Никифор. – И там я повстречал святого отца Афанасия, который успокоил мою душу и принял меня в послушники. Как оказалось, и на Афонской горе нет спокойной жизни из-за неоднократных опустошительных нападений арабских пиратов с моря. Монахов убивают или увозят в плен. Я всей душой жажду покончить с этим. И это будет моим послушанием. Отец Афанасий будет сопровождать меня на войне, защищая молитвами от дьявольских козней.

Роман, проявляя завидное упрямство, решил приставить к Никифору телохранителя, китонита Михаила.

– Зачем мне телохранитель государь, если все в руках Божьих? – Стал возражать магистр. – Душу мою будет лечить отец Афанасий, которого я смиренно попрошу отправиться со мной. А охрана для тела мне без надобности.

– Молитвы дело хорошее. Но они спасают душу, а телохранители – тело, – настаивал Роман. – Я знаю Никифор, что ты никого не боишься. Вокруг тебя преданные воины, и ты сам можешь справиться с десятком. Но это не простая война. Нужно помнить о наемных убийцах, ассасинах! Слишком многое поставлено на кон и мне нужна только победа. Я не хочу, что бы она зависела от случайности. Михаил обучен защищать. Он будет твоей тенью. Клянись, что не станешь препятствовать ему защищать твое тело!

– Ну, хорошо, государь! Клянусь Богом! Возьму, если он не будет путаться у меня под ногами, – С кислой миной, вынужденно поклялся Никифор. – Эх, если бы этим можно было бы решить все проблемы.

– Что-то еще тебя беспокоит? Говори, – велел Роман магистру.

– Я, государь, хочу напомнить, что по поручению твоего Багрянородного отца ездил с отцом Афанасием в Никопсию на Кавказ. Там, у могилы Святого апостола Симона Канонита я повстречал другого монаха, который проводил меня к святому отшельнику. Когда я спросил его что ждет нашу державу, старец сделал маловразумительное предсказание, – слегка замялся Никифор.

– Ах, это, – махнул рукой Роман. – Про то предсказание уже судачат по всему Константинополю. Пустое. А тебе что он предрек? – Поинтересовался Роман.

– Он предрек мне долгую жизнь и многие ждущие меня трудности, – как на духу поведал Никифор. – Но если я буду с Богом в душе, то преодолею свои страсти. Там у старца дал обет: в случае победы построить Храм в том месте, где Святой апостол Симон Канонит принял мученическую смерть, спасая друзей своих. В том числе и Святого апостола Андрея. Его отсеченная голова стала реликвией для близживущих народов. Правда в 850 году патриарх Игнатий изъял останки головы из Коман¹⁸ и увез в Константинополь, объявив, что это утерянная голова Иоанна Предтечи. Но в Команах сохранилась ниша, вырубленная в скале, где отпечатался нерукотворный образ этой главы. А последователи Святого Симона почитают за честь принять смерть за тех, кто им дорог. Это и мне близко по духу. Общину монахов в Никопсии отец Афанасий уже нарек Новым Афоном.

– Если победим, я помогу тебе в обустройстве новой святыни, – сказал Роман серьезно.

– Не телохранителю, а тебе государь, придется вместе с паракимоменом Иосифом прикрывать мой тыл, – еще добавил угрюмо Никифор. – Будет не до веселых пирушек. Сунувшись на Крит, я разворошу такой улей, что наша война в Сирии покажется тебе детской забавой.

– Не думай об этом, – отмахнулся Роман. – Делай свое дело и будь уверен, что я не отступлю.

Местом сбора разношерстного войска был объявлен Азиатский берег, напротив Константинополя. Никифора снабдили деньгами на текущие расходы. В начале лета магистр попрощался с отцом и братом и, прихватив с собой неугомонного Цимисхия, отправился инспектировать военный лагерь.

¹⁸ «Команы» переводится как «святое место» – село в Абхазии, расположенное в 15 километрах от Сухуми.

Глава вторая: осада Крита

Для войны с пиратами, на Азиатском берегу, в полевом лагере напротив Константинополя, собирались фемные тагмы стратиотов ополченцев, призванных на войну по постановлению синклита. Из них формировался византийский экспедиционный легион.

Там же собирались морские охотники со всех ближних и дальних окраин, сами порой не брезговавшие промышлять пиратством.

По призыву царицы-наместницы Ольги-Елены Киевской, из Варяжского моря в море Греческое, по рекам спускались варяги севера. Струги и ладьи норманнов выходили из устьев Днепра, Южного Буга и Днестра. Собираясь в небольшие флотилии, они шли вдоль западного, болгарского берега к Константинополю.

Одновременно с северянами, с благословения митрополита России из устьев Дона Роси к Сакиру¹⁹, шли ладьи казар, наполненные гетами. Там они соединялись с парусными лодками Чигов гетов и Чер гетов, жителей Тмутаракани и Зихии. Дальше на юг возле устья Фасиса флотилия пополнилась ладьями абхазских союзников царя Леона Кутатиского, с благословения каталикоса Иверского. И вся эта разномастная флотилия шла вдоль восточного побережья Черного моря к Петре. А затем, повернув на запад, следовала берегом моря мимо Трапезунда и Синопа к месту общего сбора.

На побережье фемы Оптиматы всего судов, собралось около двух тысяч. «Дромонов» оснащенных жидким огнем – сто, прочих галер двести пятьдесят, а транспортных судов, груженных продовольствием и воинским снаряжением – триста восемь. Остальные корабли составляли вспомогательный флот федератов.

В центре военного лагеря были развернуты палатки бюрократов. Чиновная братия встречала вновь прибывших «казос», ставила на довольствие и распределяла по отрядам, объединенных в тагму федератов. Разноплеменное войско было сосчитано и поделено согласно воинской иерархии. Во избежание хаоса, в каждый отряд федератов, начиная от тысячи, был назначен младший стратиг или комит из ромеев. После этого войску уплатили часть причитающегося жалования.

На берегу, где собралось огромное войско, было шумно и пыльно. Где-то устраивали смотры. Где-то проходили военные тренировки, а где-то встречали вновь прибывших и указывали их место расположения. Повсюду бегали вездесущие посыльные. По установившемуся обычаю военные прибывали с трехмесячным запасом продовольствия. Тем не менее, возле временных военных лагерей ставили свои повозки и палатки продавцы мелких розничных товаров и услуг.

Вечером, брат Циры Кахраман, призванный в стратиоты от фемы Пелопонеса, долго бродил между различными биваками, выспрашивая и выискивая земляков. Пока не нашел казбека Робити Лада. Так на тюркский манер звучала должность походного атамана братства гетов с берегов реки Куры. Старые знакомые крепко обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– Ты я вижу по-прежнему крепок, старый бродяга, – улыбался Лад. – Как поживают Алан с Цирой? Давно их видел?

– Ты тоже молодец Лад, крепок, как прежде, – отвечал Кахраман, который произнес имя атамана на манер, принятый у саков с Куры. С ударением на «о». Потом когда радость встречи поутихла, печально добавил:

– Сестра жива. Слава Богам! А вот Алан, царство ему небесное, не дожил до этого дня.

– Я ничего не знал об этом. Соболезную, – ответил казбек. – Как это случилось?

¹⁹ «Сак» перс. Белый олень, «ир» – вода. Сакиром называли устье реки Кубань.

– Набег морских разбойников с Крита. Ты же знаешь его. Он никогда не прятался за спинами и всегда лез туда, где жарче всего. Подлый выстрел в спину оборвал его жизнь. Поэтому я здесь, хотя мог бы откупиться от призыва. Хочу собственными руками перерезать несколько глоток пиратов, в память об Алане.

– До нашей глуши дошли слухи, что твоя племянница стала царицей. И еще, что Никифор Фока стал приемным сыном Циры, – размышлял вслух Лад. – Выходит, не только ты хочешь перерезать несколько глоток. Похоже, вся эта война затеяна в память об Алане.

– Я знаю свое место и не лезу так высоко, – ответил искренно Кахраман. – Все что происходит во дворцах, некоторые называют политикой.

– Ну да, ну да, – согласился казбек.

Приятели уселись возле костра, возле которого кашеварил дежурный воин братства. Пока в котле варилась пища, остальные братья отдыхали или занимались делами по своему усмотрению.

– Как твоя семья? Хорош ли урожай винограда? Давно ли с Хоранты²⁰? – сменил разговор Кахраман.

– Слава Богу! Все хорошо и урожай знатный. Дети подрастают. В конце весны я покинул свою станицу Верхнее Мачхаани.

– Что там нового? – Снова спросил Кахраман. – Ходят слухи, что идет война в Гургистане?

– Была война, – подтвердил атаман. – Горцы Кавказской Иверии, Кавказской Албании и Армянского Рана объединились в Кахетинский союз. Так греки называли конфедерацию племен саков, южных скифов, осевших в Закавказье в давние времена. Центр территории их расселения древние называли Сакосеной, или Шакошеной в царстве Гургистан. И цанары и абхазы хотели объединить Кахетинский союз и Абхазию, чтобы возродить древнее царство Гургистана. Вопрос был в том, кто и как будет править.

Цанары признали главенство династии Аносинов, ведущих родословную от потомков второго брака Горгаслана²¹. Ведь Дачи, сын Горгаслана от первого брака, отрекся от своей половины царства в пользу персов. Но абхазы сторонники сильной царской власти и единого государства. А это не по душе цанарам, которые хотели строить взаимоотношения на федеральной основе, а еще лучше союзничества. Так как они уже федераты Горусии, горной Руси-Иристана, той, что арабы называют царством Сарир. А у горного Владьки родословная постарше будет, чем у Аносинов.

Так как взаимопонимания не было достигнуто, сначала Георгий Абхазский, с помощью гардабанцев овладел землями вдоль Куры и взял в плен самого хорепископа, князя цанар Квирика²². Чтобы сохранить свою жизнь, хорепископ обещал сдать остальные владения победителям. Но поставил условие не брать в эту зиму крепость Бочорму. За зиму обещал подготовить крепость для передачи и уйти оттуда после пасхи. Просьбу его уважили. Поэтому абхазы взяли только самую восточную крепость Сакошены – Нахчеван²³, а в качестве заложника – младшего его сына Давида, и отпустили Квирика в день Сретения.

– Не верится мне, что горцы цанары могли так просто сдать свои земли абхазам, – покачал головой Кахраман.

²⁰ Хоранта – город в междуречье слияния рек Алазани и Куры, на стыке исторических областей: Эрети и Сакашени. Затоплен при строительстве Мингечаурского водохранилища в Азербайджане в 1953 году.

²¹ Вахтанг I Горгаслан, груз. Горгасали, арм. Арсаваген (ок. 440—502) – ширваншах Гургистана (Кавказской Албании) из династии массагетских Аршакидов. Сын Мирдата V (Мирхавана) Хосроида.

²² Хорепископ Цанарети Квирик II (929-976). Столица в г.Телави с 919 г. Кахетинская конфедерация.

²³ Нахчеван, арм. Нахиджеван «первое шествие», азерб. Нахчыван, др.-греч. Наксуана – город в Азербайджане. Расположен на правом берегу реки Нахичеванчай, притоке Аракса.

– Ты правильно думаешь, – снова подтвердил Ладо. – Царь Гиоргий отправился зимовать в Кутаиси, а Квирике вошел в Бочорму. Туда же хорепископ созвал азнауров и мтаваров из Кахетинской конфедерации, числом около пятидесяти. Там они сговорились и распределили области, требующие зачистки. Начав одновременно, в течение немногих дней они отвоевали и вернули себе крепости от Нахчевана до Арагвети. И вновь стал Квирике владеть своей столицей Телави и стал во главе территорий Сакошены, Кахетинской конфедерации.

– Ай, молодец, князь цанар, – похвалил хорепископа Кахраман. – Так быстро овладеть целым краем. Ты тоже там был?

– Разумеется, – подтвердил атаман. – Там были и цанары, и кизики Сигнахи²⁴ и Хоранты, и атаманы переселенцев из Мачхаани и Лагодехи. А горный Владыка Сарира прислал воинов иронов. Дзурдзуки²⁵ тоже подтянулись.

– А что же Георгий? – Снова спросил Кахраман.

– Когда поведали царю Георгию о потере всех крепостей Кахетинской конфедерации, тот рассвирепел. Тяжела была ему эта весть. И он стал винить всех тех, кто подвигнул его на отпущение хорепископа Квирике. И когда прошла та зима, вновь отправил свое войско под предводительством сына своего Леона. Вторгся тот в Арагвети, район вдоль реки Арагвы, и начал жечь ее.

Но во время этого похода сообщили ему весть: кончину царя Георгия. Леон тут же призвал на переговоры хорепископа Квирике. Встретились они в Базалети²⁶, на берегу озера, сопровождаемые по одному всаднику и беседовали целый день. Там договорились о мире, поделили области Иверия и Эрети, и царь Леон признал Квирике своим союзником.

По этому договору города Мцхета-Мтианети и Уплисцихе с его знаменитым храмом Солнца оставались в составе царства Леона. Кроме того к ним присоединили часть Арагвети западнее реки Арагвы. Чтобы уравновесить этот договор, царь Леон предложил женить Давида, сына Квирике на своей дочери. Ей в пожизненное пользование он отдавал занятое абхазами нижнее Эрети. Точнее возвращал в Кахетинскую конфедерацию гардабанцев из области Ташири, которые незадолго до этого переметнулись под «руку» абхазского царя. Они должны были достаться цанарам в качестве ее приданного.

– Они же, наверное, еще дети, – покачал головой Кахраман.

– За детьми будущее, – философски заметил Лад.

– Значит, в Гургистане мир и поэтому казары Хоранты приехали драться с берберами.

– Что поделаться, друг. Дело для воинов всегда найдется, – кивнул головой Лад. – А золотые монеты лишними не бывают.

Кстати, князь Квирик, помимо абхазов на западе, вынужден еще следить и за претендентами на Гургистан с востока. Ведь эмир Гургана Ибрагим Мусафарид²⁷ тоже претендует на Кавказскую Албанию, которую арабы называют провинцией аль-Арминия I. Это одна из трех аль-Арминий, входящих в Багдадский халифат. Хотя себя он считает персом и мечтает снова объединить Гурган с частью Гургистана. Ведь, как известно, Дачи отказался от отцовского наследства в пользу персидского шаха.

– А думаешь, Леон из любви к миру согласился на союз с цанарами и породнился с Квирике? – Поворошив угли в костре, спросил Кахраман. – Сомневаюсь! Просто он тоже не хочет драться с двумя противниками сразу. Я слышал, что по настоятельному совету из Константинополя, у него появился другой противник. Его северный сосед – Хазария. Значит скоро быть большой войне на Сакире!

²⁴ Сигнахи – маленький городок в восточной Грузии, на склоне горы, в историческом регионе Кахети.

²⁵ Племенные объединения нохчий (чеченцы), галгай (ингуши), дидойцев, тушинов и хунзахов (аварцы) под общим названием «наши люди», вайнахи. В грузинских источниках – дзурдзуки.

²⁶ Район одноименного высокогорного озера в Грузии, в 60 км от Тбилиси и в 5 км от Душети.

²⁷ Ибрагим (Ибрахим) б. Марзубан (960-983 гг.) – дейлемитский правитель Мидии Атропатены.

- У нас тоже ходят слухи, что Леон хочет пощипать склады жидов в Тмутаракани²⁸.
- Да Таматарха и ее побережье – лакомый кусок, – понимающе протянул Кахраман. – Торговые порты Эллинов – богаты товарами. Пошлины, налоги с продаж и все такое...
- Точно! Добавь еще, что кто контролирует выход из Азова в Черное море, тот контролирует всю торговлю, идущую морем из Хазарии в Византию и Карпатскую Болгарию.
- Да, но пока стоит на Дону крепость Саркел, удачной для Леона эта война не будет, – рассуждал Кахраман.
- Вот видишь, – подвел итог Лад. – А ты говоришь казарам Хоранты делать нечего. Они помолчали, глядя на горящие ветки костра.
- Послушай, Лад, прими меня в свой отряд. Сил моих нет шагать со стратиотами, – попросил Кахраман атамана, глядя ему в глаза.
- Ха! Так ты же теперь кинто, горожанин. В византийской армии вся конница состоит из курдских и армянских наемников, твоих земляков. Попросись туда. – Стал отговаривать его атаман. – А мы приплыли сюда на лодках, и значит, тоже будем воевать пешими, как стратиоты. Да и сотня моя, в основном, из кизиков, т.е. казаков в арабских землях. А мы живем по своим, казачьим обычаям.
- Кинто? – Переспросил Кахраман. – Я не помню этого слова. Что оно означает?
- Да это жаргон, – объяснил Лад. – Когда нет войны, казары Хоранты нанимаются на работу в городе к арабским торговцам из Тбилисского эмирата. Некоторым это так понравилось, что они и сами стали горожанами. Но вольными. Не приписанными к определенному цеховому объединению.
- Я, конечно, помогал Алану управлять трактиром, но с гетами прошла большая часть моей жизни, – проворчал Кахраман. – Я жил по законам казарского братства. А обычаи казар мало чем отличаются от обычаев кизиков и казаков. Разве что в вашем отряде могут быть женщины, и у вас принято принимать в отряд после испытания. Может я и стал кинто, но готов пройти испытание. Кому тут надо рожу начистить? – Набычился Кахраман.
- Казбек! Этого бродягу можно принять без испытания, – сказал казар, внезапно появившийся из темноты и усевшись на корточки возле атамана. – Не зря же он носит имя Кахраман, что означает «герой».
- К удивлению Кахрамана, Лад и глазом не повел. Он даже не шевельнулся, чтобы осадить невежу вклинившегося без разрешения в разговор войскового начальника. А казар, между тем, неторопливо подошел к костру, чтобы пламя огня осветило его лицо.
- О! Ханум! – Словно молнией пронзило память Кахрамана.
- Узнал бродяга, – удовлетворенно сказала женщина в мужском одеянии, снова отодвигаясь в тень.
- Сколько лет и зим прошло, с нашей последней встречи! А ты все не меняешься. Значит в этом походе ты духовный лидер, пир отряда? А как же дети? И твой муж? – посыпал вопросами Кахраман.
- Успокойся ты! – Резко осадил его Ханум. – А то договоришься, что я стала слишком стара, чтобы ходить в геть.
- Виноват! Я вовсе не это хотел сказать, – оправдывался Кахраман.
- Ладно, ладно, – примирительно ответила Ханум. – Дети выросли. Мужа я пережила. Что мне сидеть дома? Круг избрал меня пиром этого похода. Надо же передавать опыт молодым сестрам.
- Ну что же, Кахраман, – вернулся атаман к прерванному разговору. – Если Ханум за тебя поручилась и мне любо. Я не возражаю против твоего вступления в отряд. Ты воин слав-

²⁸ Тмутаракань, Самкерц (Самкуш) еврейский, Матарха (Таматарха) византийский, «ал-йахуд» арабский, в античное время Гермонасса. Один из древнейших городов Таманского полуострова. Разрушен.

ный. Тебя многие знают, и куренные атаманы противиться не будут. Будешь при мне вторым есаулом.

– А кто первый? – Полюбопытствовал Кахраман.

– Карача. Он из горцев вайнахов, которые называют себя нохчий. Они тоже когда-то брали в жены женщин амазонок. Поэтому наши обычаи схожи.

– Знаю. Они из Дома Орла и из их числа набирает свою охрану Владыка гор. И о Караче слышал. Воин лютей в бою.

– Ну, вот и ладно, – заключил атаман.

– Есть еще одна загвоздка, Лад, – виноватым тоном сказал Кахраман.

– Что еще?

– Видишь ли, мы не на воле. Видал, как ромейские бюрократы ходят тут и составляют списки?

– Меня тошнит уже от этих крючкотворов, – сплюнул Лад.

– В том то и суть! Меня приписали в отряд из Пелопоннеса. И официально, меня будут считать там дезертиром. Я же попал сюда по призыву, – изложил проблему Кахраман.

– А от меня чего ты ждешь? – Взвился Лад. – Чтобы я сунулся к бюрократам и заставил их нарушить отчетность? Бред. Проще порубить их в капусту!

– Я надеялся, что ты сможешь это уладить, – заискивающе сказал Кахраман. – Ведь не зря же тебя прозвали Робити Лад – улаживатель.

– Почему бы тебе просто не попросить своего высокопоставленного племянника помочь тебе? – Несколько успокоившись, пробурчал атаман.

– Э-э, Лад. Посмотри туда, – Кахраман махнул рукой в сторону военных лагерей и дымов, поднимающихся над бескрайней равниной. – Все это сборище надо превратить в дееспособную армию способную сражаться. И ты хочешь, чтобы я в такое время беспокоил магистра по пустякам?

– Надо поговорить с его непосредственным начальником. Предложить ему взятку и тот станет сговорчивым, – посоветовала Ханум.

– С золотыми монетами проблем нет, – сказал Кахраман и похлопал себя по карману.

– Как есть кинто, – уже шутливо скривился казбек.

Потом неспеша встал, молча, подошел к костру, присел и задумчиво поковырял угли веточкой. Затем на что-то решившись, резко встал и повернулся к Кахраману.

– Что с тобой делать? Ладно, пошли, поговорим с твоим куренным начальником.

– Лохагом, – поправил казбека Кахраман.

– Один хрен, – сплюнул Лад.

Приятель отправился в сторону лагеря ополченцев Пелопоннеса. Пропетляв между биваками, вскоре они подошли к палатке Хачатура, молодого лохага из центурии стратиотов Лаконии²⁹, куда бюрократы определили Кахрамана.

Время было позднее. Рядовые ополченцы укладывались спать в палатках, предназначенных для проживания десяти человек. Кроме дежурного, в обязанности которого входила охрана имущества взвода во время их отдыха.

Хачатур давал последние наставления дежурному, когда из темноты в круг костра вышел отсутствующий на вечерней проверке стратиот, с незнакомцем. Судя по одеянию – федератом. И судя по властному взгляду – не рядовым. Внутренним чутьем Хачатур понял, что это неспроста и потому не стал, опережая события, ругать опоздавшего.

После взаимных представлений мужчины уселись в круг костра. Лохаг достал бурдюк с вином и чаши. Дежурный принес фрукты. После обязательных расспросов о семье, пожеланий

²⁹ Историческая область в Древней Греции в южной части Пелопоннеса.

им благополучия, а врагу скорейшего поражения, Лад плавно перешел к сути своего предложения.

– Хачатур. Я хочу забрать Кахрамана в свой отряд. Не возражаешь?

Тот почесал затылок.

– Я должен буду подать прошение центуриону. Тот должен будет согласовать с начальником тагмы, потом с лонгином и передать прошение в военную канцелярию, – стал объяснять Хачатур.

– Подожди, остановись, – поднял руку Лад. – Пока будем согласовывать – война закончится. А если обойтись без бюрократических проволочек? Что скажешь лохаг?

– В принципе, я не против, – промямлил Хачатур. – Но как же списки учета? Он числится в тагме Пелопонесса, и в лохаге Лаконии. Тут он стоит на довольствии. И я за него отвечаю.

– Ты мне кажешься парнем понимающим, – польстил взводному Лад. – Пусть он и дальше числится там, где сейчас. Что делать. И пусть его довольствие продуктивное и денежное тоже останется в лохаге. Он отказывается от него. Думаю, твои бойцы будут рады получить дополнительную пайку и за это согласятся покрывать его отсутствие во время строевых смотров. Ну, а денежным содержанием и долей с добычи распорядись сам, по собственному усмотрению. Ведь формально за него отвечаешь все-таки ты.

– Заманчиво, – сказал Хачатур, раздумывая. «Эти казары парни надежные. Его, в случае чего, не выдадут и от слов своих не откажутся», – думал он.

– В крайнем случае, ты всегда сможешь найти его в тагме федератов, в отряде под щитами с изображением «шагающего журавля», – продолжал убеждать Лад. – А если прижмут, то начальству доложишь, что отправил его для согласования совместных действий.

– Хорошо. По рукам, – решившись, сказал Хачатур и протянул свою ладонь. Атаман сжал ее своей ладонью, а Кахраман разбил их соединенные ладони своей. Таким символическим рукопожатием был скреплен договор, который можно было разорвать только вместе с жизнью.

– Только смотри не попадись на глаза своему высокородному племяннику, – предостерег Кахрамана атаман, когда они вместе возвращались обратно. – Начнутся расспросы: как да почему? Дойдет до бюрократов, – подставишь Хачатуру.

– Понятно, не маленький, – успокоил атамана Кахраман.

К июлю в полевом лагере собралось семьдесят семь тысяч человек, большинство которых составляли гребцы судов и торговцы. Основное войско было собрано и вооружено. Вперед уплачено жалование за поход. Магистр Никифор решил, что он готов к войне. В начале июля корабли были загружены и армада, поражая своей мощью, прошла, как на параде мимо Константинополя. Тысячи зевак усыпали берега пролива, чтобы поглазеть на редкое зрелище. Стоя на террасе дворца Вуколеона, армаду взглядом провожала вся императорская семья. Патриарх Полиевкт осенял ее крестным знаменем, шепча слова молитвы.

Армада вошла в Эгейское море и через некоторое время достигла Кикладских островов. Здесь весь флот собрался, укрывшись за островами, и стал готовиться к решающему переходу к Криту.

Мудрый военачальник, Никифор послал вперед малые быстроходные галеры с приказом произвести разведку берегов Крита и взять «языка». Главной своей целью магистр определил захват столицы островного эмирата. Укрепленный город-крепость Ираклион арабы удерживали в течение 140 лет. Для защиты города они построили мощные стены и окружили их глубоким ровом. Отсюда и новое название города Хандак, что по-арабски означило ров.

Капитаны разведывательных судов, взяли в плен рыбаков островитян и доставили их магистру. Тот с пристрастием допросил их и выяснил, что эмира Крита нет в крепости Хандак. Что находится он в своем поместье в лесистых и прохладных предгорьях. Это была хорошая новость и Никифор Фока тотчас отдал приказ о начале вторжения.

Флот снялся с якорей. Основная его часть поспешно быстрым ходом приблизилась к острову. Днем 13 июля 960 года днища галер и ладей заскребли о дно берега залива Альмирос. Началась выгрузка экспедиционного легиона на виду у города-крепости.

Как и ожидалось, при приближении кораблей неприятеля, из крепости Хандак был выслан к берегу наспех собранный отряд. Он должен был воспрепятствовать высадке захватчиков. В войне все решает внезапность и быстрота действия.

Магистр предвидел это и потому первыми к берегу пристали галеры хеландионы, имевшие специальный отсек для размещения лошадей в средней части судна. Фока использовал новую, ранее не применяемую тактику. По заранее заготовленным сходням, вооруженные всадники верхом, прямо с кораблей помчались на берег.

Конницу, собранную из личных отрядов фемной аристократии, дополняли всадники федератов Армянского нагорья. Два крыла кавалерии вели лонгины: стратиг Иоанн Куркуас по прозвищу Цимисхий и ишхан Аданарсе, сын Смбата Багратуни. Пораженные новым для них и удивительным зрелищем, критяне остановились на месте. Их отряды спешно выстроились в фалангу, соблюдая неразрывный строй и ожидая приближения неприятеля.

Конная масса, приближаясь вогнутой лавой, взорвалась криками и улюлюканьем. Она охватила с двух сторон стоящих в оцепенении критян. Завязалась ужасная бойня, стрелы сыпались градом. Критяне не смогли устоять против дождя стрел, ряды их расстроились, и они обратились в бегство, изо всех сил устремившись к своему спасительному укреплению. Конница преследовала бегущих, поражая их копьями и мечами. Мало кто успел укрыться за коваными воротами Хандака.

Пока конница очищала местность от разрозненных отрядов критян, на берегу, до позднего вечера продолжалась планомерная выгрузка имущества штурмовой армии. Продовольствие, палатки, котлы, лопаты и прочая мелочь, столь необходимая для сооружения и жизнеобеспечения полевого лагеря. Чтобы возможные наблюдатели арабов не узнали о действительной численности войска, одни и те же корабли имитировали высадку по несколько раз. В действительности численность легиона не превышала десяти тысяч пеших и двух тысяч всадников.

В местечке под названием Финикия, Никифор велел разбить укрепленный лагерь, окружив его глубоким рвом. Фортиды – грузовые корабли вернулись в свои порты. Малые ладьи федератов были вытасканы на берег. Остальные корабли флота, разместились в ближайших греческих портах. Они должны были обеспечить морскую блокаду острова. Разбитые на боевые эскадры, «дромоны» и галеры сопровождения, поочередно выходили курсировать вокруг острова с задачей преследовать и сжигать жидким огнем, всякий замеченный вражеский корабль, который попытается либо отплыть, либо приблизиться к острову.

Узнав от пленных и перебежчиков, что отрезанные от крепости жители укрылись в предгорьях, Аданарсе со своим тысячным отрядом отправился в погоню. Всадники, выросшие в горах, были незаменимы для зачистки окрестностей от разрозненных отрядов арабов. Особенно в труднодоступных ущельях, теснинах и болотистых долинах. Посланные в погоню конные, обнаружили места, где критяне готовили засады. Прятали свой скот. И где укрывались сами. Победители все что могли, разграбили и вернулись в лагерь с богатой добычей. Оценив новые возможности применения кавалерии, магистр Никифор поздравил лонгина Аданарсе с победой и поручил ему и Цимисхию организовать ежедневное патрулирование конными дозорами окрестных дорог и селений на дальних подступах к своему лагерю.

Для блокирования подступов к городу Никифор отрядил тысячу отборных воинов фракийцев во главе с комитом Никифором по прозвищу Пастила. Тот был человеком опытным, участвовавшим во многих войнах. Правда, по своей бесшабашности много раз бывал он пленен арабами. Но благодаря своему мужеству столько же раз убегал из плена. На лице и на груди его

было множество рубцов от ран, полученных на поле брани. Ему-то, и было поручено обойти город, выставить дозоры от берега до берега и обследовать его ближайшие подступы.

– Окружи Хандак, выставь дозоры, – Инструктировал его Фока. – И смотри, чтобы ни одна мышь из крепости не выскочила, пока я готовлю войска к штурму.

– Да победа уже у нас Никифор! Войско «потомков рабыни» разбито, а сидящие в крепости скоро проголодаются и сами запросят пощады.

– В горах и ущельях еще полно арабских недобитков, да и в крепости бойцы не спят. Не давай своим легионерам послабления. Дозоры проверяй лично. Нерадивых наказывай. Гляди у меня Пастила! – Погрозил Никифор. – В случае чего шкуру с тебя спущу лично, невзирая на былые заслуги.

– Да не кипятись, Никифор, – заверил магистра Пастила. – Все исполню в лучшем виде.

Но благо никогда не дается людям в чистом виде, к нему всегда присоединяется зло. Успехам сопутствуют неудачи, удовольствиям – огорчения, и невозможно в полной мере наслаждаться счастьем. Так случилось и с ромеями.

Пастила и его стратиоты, вступили в цветущую страну и потеряли бдительность. Тут во всем было изобилие. Кругом богатые травой пастбища, где можно было выпастить коней и волов. Во дворах селений коровы и овцы, куры и гуси. В каждом амбаре много провизии и зерна, а в подвалах – неисчерпаемые запасы вин. А вокруг виноградники и фруктовые сады с прекрасными плодами.

Греческое население острова, подвластное арабам, без энтузиазма приветствовало своих «освободителей». Привычные, старые грабители всегда лучше новых. Старые завоеватели арабы установили на острове свои законы. Мягкие и справедливые. На острове чеканили свою монету. Продуктами своего труда земледельцы и рыбаки обеспечивали все население острова. Излишки сбывались, купцам из Всемирной торговой организации. К тому же ведь поработившие их мусульмане не преследовали местных христиан за их веру. А тут появились «освободители» единоверцы, которые стали беззастенчиво забирать продовольствие для нужд своей армии.

Сначала, как у себя дома, легионеры Пастилы разбили биваки, среди чьих-то садов, где имелись прозрачные источники и множество всевозможных плодов на деревьях. Каждый устраивал себе шалаш, где вздумалось. Лежа в тени, в зарослях плодовых деревьев, византийские ополченцы лениво жевали опадающие фрукты и все другое. Они чувствовали себя как в раю.

Потом им надоело пить сырую воду и легионеры мелкими группами стали наведываться в ближайшие деревенские подвалы за вином.

Обильная еда, вдоволь вина, солнечная погода и тишина превратили фракийцев в разомлевшую толпу. Вместо того чтобы строго следовать предписаниям: провести разведку, выставить дальние дозоры и ближние караулы, они полностью пренебрегли правилами безопасности и предали праздности.

Очень скоро находясь в приподнятом настроении, легионеры стали помогать и местным женщинам. Конечно же, они встретили яростный отпор селян. Тогда перепившие вина стратиоты и вовсе потеряли над собой контроль. Они почувствовали себя хозяевами положения и стали врывать в дома, как обычные разбойники. Мужчин избивали, женщин и девушек насиловали. Деревни подвергались разграблению. Особо приглянувшихся селянок, как рабынь, вводили с собой на забаву. Слухи о бесчинствах «освободителей» распространились по округе быстро. Селяне стали покидать свои дома, укрываясь в густых зарослях лесов и ущелий.

Разомлевшие воины, стали привыкать к вседозволенности и безнаказанности. При попустительстве своего начальника, они либо пили, либо спали, либо забавлялись с пленными женщинами. Такая вакханалия не могла продолжаться долго.

Казбек Робити Лад, сотня которого была придана отряду Пастилы, собрал куренных атаманов и есаулов.

– Браты! Атаманы! Вы видите, что твориться вокруг. Ромейские легионеры превратились в бродников волкодлаков.

– До бродников им еще далеко, – усмехнулся Карача. Сейчас они стали тем, кем и были до призыва. Собираем пьяных мужланов! Остальные загалдели, зубоскаля.

– Зараза разложения может перекинуться и на нас. – Не принял шутиwego тона Лад. – Я уже видел казар, которые упились в хлам.

– Чего же ты хочешь от нас Ладо! Может, сначала поговоришь с ромейским лонгином? – Предложил куренной Инал.

– Я уже пытался. Бесполезно, – возразил Лад. – Пастила постоянно пьяный, а когда трезвый, то держится высокомерно. Он указал мне на то, что я простой федерат. Наемник. А он высокопоставленный византийский вельможа. Еще он посоветовал мне не учить его командовать войском, ради сохранения моей собственной головы.

– Сученок! Он действует по принципу, что если нельзя предотвратить пьянку, то ее надо возглавить, – ухмыльнулся куренной атаман Баркут.

– Наверно, надо рассказать все нашему магистру! – Предложил Кахраман.

– Да? И кто же это сделает, – спросил атаман, в упор, глядя на него. Есаул смущенно отвел взгляд.

– А может ну их, этих ромеев? Вернемся к своим юртам на берег. А пьяные византийцы пусть тащат службу, как им вздумается, – посыпались другие предложения.

– Тихо, братья! – Призвал к порядку атаман. – Бросить пост мы не можем. Сами добровольно нанимались в эту компанию. Что поделаться. Но и походить на легионеров нам не с руки.

Я убедил Пастилу, чтобы нам выделили место под лагерь со стороны леса. Тех, кто выйдет из города, легионеры хоть с пьяных глаз, но увидят. А что твориться у нас за спинами никто не знает.

– А что там может твориться? – махнул рукой Карача. – Ромеи разорили несколько ближайших сел. Вино и женщины достались византийцам, а в лесу бродят их запуганные мужья.

– А разве бы ты Карача не пытался освободить из плена свою жену? – Спросил атаман.

– Моя жена сама в состоянии справиться с грязными мужиками, – возразил Карача. – Крысы!

– Нет ничего страшнее крысы загнанной в угол! – Наставительно сказал Лад.

– Что же нам делать? Говори казбек, – загомонили остальные.

– Я хочу знать, что происходит за моей спиной! – Поставил точку в дискуссии Лад. – Пусть лучшие пластуны от каждого куреня обживают лес и ближние горы. Их задача простая – наблюдать и разведывать местность. Без крайней необходимости в схватку не вступать. Есаул Карача возглавит разведку.

– А остальные?

– Оставшиеся в лагере должны заниматься боевой подготовкой! По-взрослому. Буду проверять. И еще. Собрать все телеги в округе и окружить ими лагерь как стеной. Назначаю смотрящим за охранением и налаживанием тренировок есаула Кахрамана.

– Эх, нам бы коней, казбек, – мечтательно протянул Карача.

– А кто тебе запрещает их брать? – Ответил Лад. – Села разграблены. Скотина разбрелась по лесу. Византийцам достались вино и женщины, а мы возьмем если уж не коней, то хотя бы ослов и мулов.

– Любо! Любо! – загалдели куренные.

Эмир Крита Абд ал-Азиз Куруп отдыхал в своем загородном имении в горах, когда ему сообщили о внезапном вторжении византийцев. А еще то, что твердыня Хандак взята в осаду.

Эмир, находясь в отдалении от своей гвардии и своих визирей, мучительно размышлял о том, что предпринять, чтобы возглавить оборону острова.

Тем временем ограбленные и обездоленные селяне начали собираться в ватаги в темных ущельях, пылая жадной мести. Им нужен был лидер, способный собрать, организовать и отправить их в бой.

Как только лазутчики доложили ему об этом, эмир Куруп немедленно взял инициативу в свои руки. Он срочно разослал посыльных в ближайшие поместья и гарнизоны. Сидящие, в разбросанных по всему острову, поместьях арабские землевладельцы и военачальники Крита начали готовиться к войне. В дополнение к своей немногочисленной охране, состоящей из профессиональных воинов гулямов, землевладельцы начали собирать в укромных горных и лесных чащах селян. Их вооружали, обучали и тренировали, формируя из них войско народного ополчения. А комиты остальных городов острова, в дополнение к гарнизонной охране, мобилизовали всех горожан способных носить оружие. Защитники острова стали готовиться к обороне.

Но эмиру этого было мало. Он должен был сам попасть в Хандак, чтобы лично возглавить сопротивление и сбросить захватчиков в море. Со всех сторон поступали к нему сведения, как неводержанны и беспечны ромеи окружившие Хандак. И, наконец, ему сообщили, что на ближайшие дни запланирован штурм города.

Эмир Куруп не мог дольше ждать. Эму надо срочно было попасть в столицу, чтобы личным примером показать горожанам, как надо давать отпор вторгнувшимся врагам. На горном плато возле загородного поместья спешно разбили лагерь, где стали собирать и вооружать ополчение, собранное из селян ближайших окрестностей.

В палатку, где Никита Пастила пьянствовал со своим гостем резко вошел казбек Робити Лад. Запахи вина и разгоряченных тел наполняли это временное жилище. Картина морального разложения, произвольно вызвала на лицо атамана брезгливое выражение.

Пастила сидел развалиясь в кресле. Между ног у него стояла на коленях полуголая пленница. Она пыталась ублажить его своим ртом и руками. Другая женщина лежала грудью на столе. Над ней сзади, задрав юбки, трудился Цимисхий.

– Почему без разрешения? Стража! Где стража? – Выкатил мутные глаза на вошедшего Пастила.

– Тьфу ты, холера! – Выругался Лад, отводя взгляд. – Твои охранники пьяны. А мои сведения следует выслушать незамедлительно.

– Раз пришел, проходи. Налей себе вина. Хочешь женщину, казар? – Сменил гнев на милость Пастила.

– Не пристало на войне тешиться с бабами, – пробурчал Лад. – За нашей спиной, в лесу не спокойно. Надо призвать легионеров к порядку.

– Ты посмотри Ван! Этот центурион возомнил себя стратигом. Он уже достал меня своими поучениями, и я его проучу. – Пастила попытался встать из-за стола, но тут же рухнул обратно.

– Что ты себе позволяешь? – Грозно спросил Цимисхий, не отрываясь от своей подопечной. – Выйди вон!

– Лонгины! – Попытался вразумить их атаман. – Мои следопыты доложили, что в лесу началось движение. Какие-то отряды спускаются с гор.

– Пусть спускаются. Мужичье идет за своими бабами! Как выйдут из леса, так сразу и получают по зубам, – рассуждал пьяный Пастила. – А может и отдадим им их жен, если селяне принесут вина для выкупа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.